

КУН КУН

СтеклЯнный мир

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44
К91

孔孔 / Kong Kong
我周围的世界 / The Glass Story
Copyright © Kong Kong, 2024
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *Anna-Mo Literary Agency* и *Nova Littera SLA*

Перевод с китайского Екатерины Черемисиновой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Кун Кун

К91 **Стекланный мир** : роман / Кун Кун; пер. с кит. Е. Черемисиновой. — М.: Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Акценты).

ISBN 978-5-389-29718-0

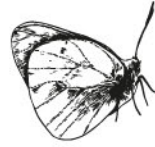
Маленькая китайка Чжоу Вэй живет вместе с матерью, Чэнь Сянлань, в бетонной многоэтажке. Отец девочки исчез почти сразу после ее рождения, и Чэнь Сянлань, задавленная безысходностью, винит во всем дочь, эгоистично упиваясь собственными страданиями. Чжоу Вэй растет тихой, скрытной и очень послушной, проходя через целую череду «воспитателей» — многочисленных родичей, одноклассников и продвинутых подружек, — чтобы в итоге практически повторить судьбу матери.

Трагичный, чувственный, болезненно честный, этот роман поражает образностью языка и роскошью метафор, перетекающих одна в другую. Читатели КНР высоко оценили художественный стиль Кун Кун, особо отметив богатый слог и живые образы героев. Теперь наша очередь познакомиться с новым ярким молодым голосом современной китайской литературы.

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-389-29718-0

© Е. С. Черемисинова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ГЛАВА 1

Бетонная коробка

В детстве Чжоу Вэй часто боялась возвращаться домой.

Сумеречное небо мерцало, как фонарик, который вот-вот погаснет. На другой конец улицы уже опускалась ночь, приводя с собой кошмарные силуэты, готовые схватить и утащить за собой детей, птиц и даже сам свет дня. От них нельзя было скрыться. Сверчки умолкали в густой траве, а головастики в пластиковой бутылке вмиг прекращали метаться в поисках мамы. Мамы же притаились в бетонных коробках, которые в свете фонарей напоминали обломки декораций в театре теней. Но не поймите неправильно: представление проходило не в тишине. Напротив, оно было громким и непрерывным. Двусложные и трехсложные оклики сменяли друг друга, и с потемневшего неба проливался дождь из множества имен. Промокшим до нитки детям было некуда деваться, кроме единственного безопасного места, убежища, где горел свет, — бетонной коробки.

Изначально в углу бетонной коробки Чжоу Вэй стояла железная кровать, которую Чэнь Сянлань раздобыла во Второй больнице. Уж мать-то умела заполучать вещи даром. Когда Чжоу Вэй немного подросла, она поняла: те вещи вовсе не бесплатные. У всего в мире есть своя цена, только в разной валюте. Отхватив очередную вещицу, Чэнь

Сянлань ненадолго становилась счастливой. Ее радовали не сами вещи, а то, что они достались на халяву.

— А мамка-то у тебя кое-что еще могёт, да? — хвастливо повторяла она, хотя не нуждалась в ответе: вещи говорили сами за себя. Но иногда глаз могли внезапно резануть царапины на изголовье кровати, затяжки на ткани или подозрительные пятна, и тогда Чэнь Сянлань понимала, что ей всучили дешёвую рухлядь. Конечно, стоило бы сообразить раньше, а не дожидаться, пока кучи дармового барахла заполнят ее квартирку и ее жизнь, не успеешь спохватиться. Хлам годами складывался в высокую стену. Каждый кирпичик, каждый камешек в этой стене источал безмолвную насмешку: братская могила из одежды, громоздящейся на диване, холодильник, который приходилось то и дело размораживать, обои, что отклеивались от стены и сворачивались в трубочку после каждого дождя, нелепая разномастная мебель, собранная в одной комнате... Все это вызывало постоянные вспышки гнева, но чем больше Чэнь Сянлань злилась, тем острее ощущала собственное бессилие. Она могла бы перевернуть мебель вверх тормашками, даже могла бы спалить квартиру дотла, но так и не решилась. Вместо этого она обычно поворачивалась к хламу спиной и нацеливалась на Чжоу Вэй — эту воровку, вступившую в сговор с жизнью и тайком похитившую молодость и судьбу Чэнь Сянлань. На протяжении многих лет мать повторяла одни и те же слова, подхваченные черт знает где:

— Если бы я знала, что ты пойдешь в породу Чжоу Вэйхуа, лучше спустила бы тебя в унитаз.

Мать и дочь — мотыльки, запертые в стеклянной банке. Сколько ни бейся об стекло, оно всегда будет вокруг них, демонстрируя равнодушную прозрачность. Поэтому

им остается только ненавидеть друг друга. Вот Чэнь Сянлань и твердила Чжоу Вэй, что именно из-за нее упустила главные шансы своей жизни: «Я могла бы уехать в город», «Я могла бы найти хорошую работу», «Я могла бы не рожать тебя», «Я могла бы...».

В домашнем задании по китайскому, которое однажды дали в начальной школе, требовалось составить предложение с конструкцией «мог бы» или «могла бы». Девятилетняя Чжоу Вэй написала: «Мама могла бы не быть моей мамой». Учительница перечеркнула предложение ручкой с красными чернилами и оставила приписку, состоявшую из одного слова: «Абсурд». Чжоу Вэй не знала, что такое абсурд, и потому полезла в словарь, где обнаружила, что это «преувеличение, не являющееся правдой». Но почему желание не может быть преувеличенным или не соответствующим истине? Только позже Чжоу Вэй поняла, что глагол «могла бы» не используется для загадывания желаний, просто Чэнь Сянлань любила употреблять его в сочетании с мечтами о своей идеальной жизни, из-за чего у девочки сформировалось неправильное понимание слова. Учительница китайского вызвала Чэнь Сянлань в школу. Она передала матери тетрадь с домашним заданием Чжоу Вэй и, указав на аккуратно вставленный в рамку лист с каллиграфией, стоявший на краю учительского стола, серьезно сказала:

— Прежде чем наставлять других, следует сперва воспитать моральные качества в себе. Этой награды руководство удостоило меня несколько лет назад. Она означает, что мы должны стать знаменосцами, смело несущими дух просвещения. Ваша девочка пока совсем маленькая, воспитывайте ее добрыми словами, а не оплеухами.

Но от Чэнь Сянлань в тот раз не прилетело ни оплеухи, ни хоть какого-то слова. Вернувшись домой, она быстро достала клетчатый баул, а потом стала в еще большей спешке вытаскивать одежду Чжоу Вэй из шкафа. Пестрые рукава и штанины цеплялись друг за друга, перепутываясь между собой. Суетливый переполох напоминал шумные сборы в весеннюю поездку за город. Но за окнами стояла зима, и холодный ветер давно развеял беззаботные настроения. Народ на улице спешил домой, вжимая головы в плечи, и только мама с дочкой шли неведомо куда против людского потока, волоча за собой сумку.

Наконец они остановились у входа на междугородний автовокзал. Чжоу Вэй узнала вывеску. Еще она узнала автобусы и багаж пассажиров, сваленный у дверей. В те времена в их маленьком городке еще не проложили железную дорогу, и всякий, кто собирался в далекие края, непременно проходил через автовокзал. Вот только они с мамой заявились слишком поздно: билеты на последний автобус из города были распроданы. Изнутри здание вокзала напоминало пустой котел, вдоль стенок которого были разбросаны немногочисленные путники, коротавшие время до своего рейса. Их теплая одежда топорщилась в разные стороны, а сами они, дрожа от стужи, втягивали шеи и прятали лица, которые, как на подбор, смахивали на остывшие пампушки. Очень скоро Чэнь Сянлань и сама превратилась в одну из таких пампушек. Скрестив руки на груди и поджав губы, она сидела на пластиковом стуле. На кусочке запястья, выглядывающего из-под рукава куртки, остались белесые чешуйки кожи, сухие и жесткие. Когда мать огрубевшей ладонью схватила Чжоу Вэй за руку, пока они выходили из дома, девочка почувствовала только боль. Но даже не

вскрикнула, потому что знала: мама злится. А когда Чэнь Сянлань злилась на дочь, сыпались поучения: «Как же ты усвоишь урок, не испытав страданий?»

Как нельзя вырасти большим, если не пить молоко, точно так же и сильным не станешь, не хлебнув горя. В мире, который Чэнь Сянлань окружила частоколом «не», самым главным было не говорить «нет» ей самой. Поэтому Чжоу Вэй и помалкивала, не спрашивала, зачем они пришли на вокзал, не просилась домой, хотя эта мысль давно билась в мозгу, сердито топоча ногами. Чтобы уgomонить ее, Чжоу Вэй беззвучно, не раскрывая рта, упрасивала себя: «Потерпи, надо всего лишь немного подождать». Другие тоже ждали, и весь зал окутывало сплошное ожидание. Контролер ждал окончания смены, прислонившись к железным перилам и так широко зевая, что едва не вывихнул себе челюсть. Водитель и пассажиры следующего автобуса ждали отправления и курили, сбившись в стайку. Некоторые отъезжающие, положив сумки и чемоданы на соседние стулья, предпочли ждать будущий рейс во сне. Но чего ждет Чэнь Сянлань, Чжоу Вэй не знала. От нечего делать девочка болтала ногами и, вытянув шею, разглядывала закутанных в одежду и грязные одеяла людей. Спящие словно обросли панцирями, за которыми прятали свои хрупкие сновидения. Немного погодя Чжоу Вэй тоже подхватила вирус их усталости. Голова у нее стала нырять вверх-вниз, как пестик, которым толкут чеснок, и тут раздался голос матери:

— Проголодалась?

Чэнь Сянлань придирчиво оглядела не до конца проснувшуюся растерянную Чжоу Вэй и протянула руку, чтобы пригладить волосы у дочери на лбу. Когда-то она пере-

живала, что у Чжоу Вэй не вырастет хорошая шевелюра: в младенчестве у девочки были уж совсем редкие блеклые волосики, но после нескольких стрижек они постепенно стали гуще, словно ожившие саженцы, а теперь и вовсе колосились, как сорная трава. Малышка была точь-в-точь как сорняк: умудрялась выживать, несмотря ни на что. Опустив руку, Чэнь Сянлань погладила кончиками пальцев добела затертый край баула и, не дожидаясь ответа Чжоу Вэй, сказала:

— Если проголодалась, сходи вон к тому киоску и купи себе что-нибудь поесть.

Она достала из кармана несколько аккуратно сложенных купюр и сначала всучила дочери две из них, но, немного подумав, добавила к ним еще парочку. После этого, будто спохватившись, поспешно сунула оставшиеся купюры обратно в карман и велела Чжоу Вэй пошевелиться. Та взяла деньги, покосилась на мать, потом на киоск, и замотала головой, сказав, что не голодна. Чэнь Сянлань помрачнела и, уже не церемонясь, заявила приказным тоном:

— Делай, что тебе говорят.

Чжоу Вэй неохотно сползла с сиденья, словно оттягивая время, а потом снова замешкалась, не отрывая взгляда от матери. Прошла чуть ли не целая вечность, прежде чем Чжоу Вэй наконец решилась и, стиснув зубы, быстро метнулась к киоску, точно крольчонок. На бегу она испуганно оглядывалась: казалось, если она промедлит и не успеет обернуться, Чэнь Сянлань исчезнет.

Хозяин киоска уже сворачивал лавочку. Он замахал руками, объясняя, что собирается закрываться, но Чжоу Вэй так долго и пристально на него смотрела, не говоря ни слова, что он в итоге смягчился и, открыв металлический кон-

тейнер для готовой еды, предложил девочке то, что осталось:

— У меня тут парочка лепешек с мясом, будешь?

Чжоу Вэй закивала головой, прямо как курица, клюющая зерно, и протянула мужчине купюру. Хозяин киоска открыл выдвижной ящик и принялся неторопливо копать в ворохе налички, битый час пытаясь отыскать банкноту нужного номинала. Когда сдача наконец нашлась, Чэнь Сянлань и вправду исчезла. Чжоу Вэй, зажав в руке лепешку с мясом, стояла перед пластиковым стулом, на котором остался лежать клетчатый баул. На личике у девочки так и застыла наивная заискивающая улыбка. Чжоу Вэй оглянулась по сторонам, но матери нигде не было. Через мгновение обширный полупустой вокзал сиреной рассек громкий детский плач. Один из спавших на пластиковых стульях зевак лишь слегка дернул ногой и вновь провалился в мир сновидений; кто-то из картежников, закончив партию, перегнулся через стул и завертел шеей, надеясь разглядеть, в чем дело, но был остановлен шелестом тасующихся карт и вернулся к игре; несколько сердобольных тетушек подошли поближе, чтобы узнать, где же родители малышки. Но девочка не отвечала, продолжая рыдать и колотясь в механической истерике, словно внутри у нее сломался некий отвечающий за плач датчик.

— Возвращаюсь я из туалета и вдруг слышу, как вдалеке плачет ребенок. Подхожу посмотреть, а это ж моя ревет. Вокруг нее целая толпа собралась, никто не мог ее успокоить.

Потом Чэнь Сянлань время от времени вспоминала о том случае, каждый раз посмеиваясь, будто видела в дочке нечто забавное.

— Она решила, что не нужна мне, — говорила она. — Эта девчонка с малых лет была большой фантазеркой. Мне потом учительница сказала, что это проявление творческого начала, тогда я и успокоилась.

Мать рассказывала эту историю и раз, и два, и три, а потом и больше десяти раз, пока окончательно не убедилась в собственных словах. Все равно как с обильным употреблением спиртного или регулярным курением: для формирования привычки нужен срок в двадцать один день, по истечении которого навык уже усвоен. Чэнь Сянлань начала верить, что все сказанное ею — чистая правда и что у нее с самого начала не было мыслей сбежать. Она настолько нуждалась во лжи, что готова была твердить одно и то же, как зомби, из раза в раз прибегая к избитым клише. Чжоу Вэй обнаружила эту слабость матери, словно едва заметную крошечную родинку у нее на теле. Сначала Чжоу Вэй удивилась, но чем дольше думала, тем отчетливее понимала, что тут нет ничего необычного: ее мать — простой человек из плоти и крови. Однако Чэнь Сянлань отказывалась признавать собственную слабость, потому что та служила позорным клеймом известного ей дезертира:

— Это твоему отцу мы не нужны.

Слова мудрости, размещенные на белой стене их гостиной, завешенной грамотами, не были видны для случайных гостей. Чужие замечали лишь награды, сверкавшие багрянцем и золотом, словно плоды урожая по осени. Только мать и дочь могли разглядеть сокрытые среди регалий изречения. Иероглифы были ослепительнее любой из грамот: вечно сияющее солнце, золото, которое никогда не по-

тускнеет, — карта бацзы¹, значения символов которой Чжоу Вэй стала заучивать, едва научившись говорить. Трактовками отсюда пользовалась Чэнь Сянлань, когда наставляла дочь насчет природы любви и ненависти, преданности и почтительности, и также базовых этических норм, необходимых для вхождения в социум. Вперед всех глаголов, описывающих отношения, Чжоу Вэй выучила слово «нужен», а потом «не нужен». Человеку куда проще определить, нужен ли ему другой человек, чем решить, нужна ему кровать или нет.

Ровно так же Чэнь Сянлань вечно жаловалась на их железную панцирную кровать, но так и не заменила ее. На протяжении многих лет стальная койка ночами наскрипывала одну и ту же жалостливую песню, сетуя, что в ее-то годы на ней все еще ворочаются с боку на бок. Чэнь Сянлань была вынуждена водружать на жесткий каркас все новые слои одеял и тюфяков, чтобы прикрыть неумолкающий рот койки. Но, к сожалению, даже это не заставило кровать замолчать: хотя теперь ее голос звучал невнятно, в нем стало еще больше горечи и обиды. В былые ночи топорщившиеся звенья сетки упирались в спину Чжоу Вэй через матрас, словно неровный частокол зубов, который то смыкался, то размыкался, отчего девочке все время казалось, будто в следующую секунду ее проглотят. Она лелеяла эту выдумку, словно сказку о волшебных бобах, вот только в ее изложении бобовый стебель превращался

¹ Один из древнекитайских методов предсказания, согласно которому судьба и предназначение человека могут быть предопределены по дате и времени его рождения. Внешне карта бацзы может представлять собой округлую схему или таблицу, состоящую из символов, входящих в шестидесятилетний цикл. — *Здесь и далее примеч. пер.*

в стальную проволоку. Все-таки сказкам следует идти в ногу со временем. Чэнь Сянлань тоже знала, как идти в ногу со временем: железные зубья кровати пронзали ее сновидения, и потому она научилась создавать для себя новые, опираясь на научные методы.

Царство снов скрывалось на дне белого пластмассового пузырька, хотя, когда его открывали, оттуда не вырывалась струйка молочного дыма, как из волшебной лампы, а всего-навсего украдкой выкатывалась маленькая круглая белесая таблеточка и падала в ладонь Чэнь Сянлань. Сначала Чжоу Вэй было любопытно, и она тихонько выглядывала из-под ватного одеяла, желая выведать тайну сновидений матери. К несчастью, девочка напрочь забывала о еще одном лазутчике — панцирной кровати. Стоило только пошевелиться, как скрипучий голос спешил выдать шпионку.

— Ах ты засранка! Еще не спишь?!

По ночам, когда ей был необходим сон, Чэнь Сянлань становилась особенно раздражительной. Но после того как очередная вспышка гнева разгоняла посторонний шум, ее сны медленно проступали из небытия. Крошечные белые таблетки, словно заблудившиеся солдаты, осторожно прокладывали себе путь сквозь душный и жаркий тропический лес тела Чэнь Сянлань. Очень скоро они попадали в расставленные тревогой ловушки, и тогда командование направляло к ним еще больше огневой мощи. Солдаты в белой униформе бросались в атаку один за другим на перепутье длинных и узких багровых вен. Таблетки выжидали, а потом наносили удары из засады, и через несколько часов сила артиллерийского огня достигала пика, после чего наступал период полураспада — время отдыха и переформирования боевого отряда. Очередной прожитый день лежал

в руинах. Среди развалин возвышалась покосившаяся гора выпотрошенных дочиста белых пузырьков. Чжоу Вэй тайком прикарманивала их, а потом прятала в выдвижном ящичке. Она оставляла подробные надписи на каждой баночке о времени вскрытия и употребления их содержимого, как делают люди на кладбищах, высекая слова на надгробиях. И все же это были всего лишь памятники с пустыми утробами. Одетые в белую униформу солдаты навсегда пропадали в ночных джунглях.

С августа 1997 года по настоящее время — эта война была затяжной, как бесконечные распри, терзающие Ближний Восток из поколения в поколение.

Через каждые два-три месяца Чэнь Сянлань дожидалась одного и того же автобуса и ехала на вербовку новых солдат. Всякий раз она садилась на топливный бак рядом с сиденьем водителя — который сам придерживал это место для нее как для хорошей знакомой. Хорошим знакомым не требовалось покупать билет в кассе, от них достаточно было лишь улыбки и парочки приветливых фраз. Бак прикрывала тонкая ветхая подстилка, истертая бесчисленными задницами таких же любительниц дармовщины. Но этот ничтожный жест радушия не помогал Чэнь Сянлань расслабиться. Когда ее бедра опускались на жесткую поверхность бака, спина оставалась по-прежнему прямой, как стрела. Чэнь Сянлань всегда так сидела, и неважно где: позвоночник был вытянут в струнку, она держала прямо не только спину, но и шею, и грудь, и даже лицо. Она относилась к своему телу как к зонтику и, выходя из дома, полностью раскрывала его навстречу невидимому ветру или дождю.

В какой-то момент напряжение Чэнь Сянлань настолько усилилось, что ее внутренний запирающий механизм заклинило, и теперь тело даже в кровати сохраняло натянутость. Чэнь Сянлань желала сомкнуть веки, но замечала, что существующий мир сразу исчезает, а на его месте появляется иной мир. Стоило вновь открыть глаза, иной мир пропадал, в то время как настоящий возвращался. Она начинала метаться между двумя мирами, но ни один из них не позволял ей полностью отключиться. Как если бы кнопку пульта заело и телевизор, игнорируя посланный сигнал, продолжал излучать яркий белый свет на контрасте с окружающей темнотой, внушая ужас. Или если бы у машины отказали тормоза и она неудержимо неслась бы напрямиком к краю утеса.

Под утесом пряталось уединенное, словно отрезанное от остального мира здание белого цвета. Внутри терпеливо ждал мужчина в белом халате. Чэнь Сянлань села напротив него, по-прежнему держа спину прямо. Мужчина сказал ей:

— Вам необходимо расслабиться.

Чэнь Сянлань, которой необходимо было расслабиться, отвели в белую комнату. Там стояла кровать с белым постельным бельем. Женщина в белой шапочке протянула белую таблетку. А потом Чэнь Сянлань пришла в себя на койке под белым покрывалом и на мгновение подумала, что уже покинула белый свет. Но очень скоро поняла, что еще жива, поскольку заметила сидевшую на соседней кровати тетюшку, которая вязала свитер. Свитера нужны только живым. Мертвецам не бывает ни холодно, ни жарко, круглый год они носят один лишь саван. Уже потом Чэнь Сянлань кое-что узнала об этой женщине. Например,

под кроватью у нее хранилась коробка, где стопочкой были сложены семь или восемь уже готовых свитеров. Соседка пояснила, что вяжет, когда не спится, и может просидеть за вязанием всю ночь до утра, зато ребенку будет что надеть в школу. Она потянулась к коробке и не глядя принялась доставать оттуда свитера один за другим и раскладывать их на кровати. На каждом был вывязан узор в виде щеночка — женщина поведала, что ее малыш родился в год Собаки. Некоторое время погода во время прогулки она наткнулась на бродячего пса. Он весь был покрыт густой курчавой шерстью цвета охры, а черные глазки напоминали пуговики: собака словно сошла с ее свитеров. Тетушка притащила бродяжку в палату и под шумок спрятала под кроватью вместе с одеждой. Однажды, когда женщина в белой шапочке зашла к ним с лекарствами, пес вдруг залился бешеным лаем, выскочил из-под кровати и заметался из одного конца палаты в другой. Поднялась суматоха, сбежалось еще больше женщин в белых шапочках. Они пытались поймать пса, но он запрыгнул на небольшую тумбочку и выскочил в открытое настежь окно. Тем же вечером тетушка вонзила себе в горло остро заточенную вязальную спицу. Белое одеяло и простыня расцвели красным. В палату явилась уборщица, чтобы вымыть пол, и ее швабра размазывала алое месиво по поверхности, словно язык, с шумом двигаясь туда-сюда. Чэнь Сянлань вспомнила, что как-то раз стала свидетельницей разговора нескольких женщин в коридоре. Собравшись в кружок, они по очереди делились грязными подробностями истории ее соседки: тетушка преподавала китайский у младших классов и часто оставалась в школе сверхурочно, проверяя детские контрольные. Ее муж, пока жена отсутство-

вала, спал с другой у них дома. Однажды, уходя на работу, женщина забыла закрыть окно. Ее трехлетний малыш, которого любовники заперли в другой комнате, по неосторожности выпал из форточки с десятого этажа. После исчезновения лохматого пса и тетушки комнату заполонил смрад, который нельзя было скрыть даже при помощи дезинфицирующих средств. Чэнь Сянлань пришлось опрыскивать подушку и одеяло цветочным одеколоном. Уже потом она слышала, что женщина не умерла: ее просто перевели на другой этаж. Чэнь Сянлань пару раз подумывала навестить бедняжку — все-таки они с ней много болтали, пока были соседками. Однако так и не успела решиться: мужчина в белом халате сообщил ей, что можно идти домой. Она уточнила: неужели она поправилась? На что он повторил, что ее пора выписывать. Чэнь Сянлань задала еще один вопрос: а если она снова не сможет заснуть? Мужчина указал на белый пластмассовый пузырек на столе и сказал, что тогда надо принять вот это.

С того самого дня и началась история создания сновидений.

Но у той же вехи истории была другая сторона: война, развязанная таблетками, перевернула мир Чжоу Вэй. С шести лет девочке пришлось вести кочевой образ жизни, и так продолжалось не один год.

Она таскала за собой дорожную сумку цвета хаки, на которой была вышита белая овечка с черным носом. Чжоу Вэй держала сумку за ручки, словно вела под уздцы коня, пока скиталась по городу, переходя из одного дома в другой. Тут командовала Чэнь Сянлань: время от времени она передавала Чжоу Вэй зашифрованные координаты. Придерживаясь их, как путеводной нити, дочка должна бы-

ла отыскать нужный пункт назначения. Среди координат мелькали объекты под кодовыми именами «старшая тетя», «третья тетя», «старший дядя», «второй дядя» и «младший дядя». Словно планеты-спутники, они были разбросаны по всему городу, а в центре галактики родственников сияла звезда под названием «бабушка». «Младшая тетя» напоминала неуловимую комету Галлея: таща за собой чемодан на длинной, как рукоять метлы, ручке, она круглый год жила одним днем, зарабатывая на жизнь где придется.

Чжоу Вэй блуждала от одной планеты к другой, но способ высадки оставался неизменным: закрыть одну дверь, а потом постучаться в другую. Вселенная представляла собой галерею разнообразных дверей под высокими сводчатыми потолками: деревянные двери с поблекшими красными иероглифами «радость»; бронированные двери, снабженные звонком с цифровым кодом; железные калитки, увитые черными щупальцами погнутой арматуры... Они стояли ровными рядами, молчаливые, словно стражники на посту. Чжоу Вэй встревоженно топталась за ними. Вместе с черноносой овечкой они были беженцами, которые ждали, когда им дадут приют.

Планета старшей тети сверкала золотым великолепием, собранным из мириад конфет «Ферреро Роше». Золотой мед сочился из золотых ламп на подвесном потолке и стекал вниз, где застывал мраморным полом теплого оттенка золота, расчерченным в клетку; золотые подпорки столов тянулись от пола до золотых кисточек, свисавших со столешниц, точно усики; стебельки тюльпанов на столе в позолоченной вазе в виде тыквы-горлянки жались друг к другу, словно застенчивые, но любопытные девицы, которым невтерпех разглядеть несчастного измученного гостя.

Старшая тетьа сидела на северном конце обеденного стола. Позади нее на обрамленном полотне длиной в две руки, будто мертвая, застыла фигура золотого феникса. Распахнувший свои одежды золотой будда с вечной улыбкой на устах покоился на груди старшей тети. Чжоу Вэй хотела бы себе такого будду, потому что ей улыбка всегда давалась непросто. Старшая тетьа тоже улыбалась редко, но золотой будда словно стал ее заместителем по улыбкам и высвободил из рабства вежливости. Люди бесконечно ей улыбались, и улыбок было так много, что они скатывались с напряженных мышц лиц прямиком в золотые, красные и черные мешочки, идя как дополнение к подаркам, которые вручали хозяйке дома. Чжоу Вэй мечтала раздобыть ожерелье с таким же улыбающимся буддой: она бы непременно носила его на груди, не снимая даже на ночь, и тогда могла бы с легкостью улыбаться даже во сне. Все-таки в ее галактике один из секретов того, как ребенку снискать любовь взрослых, звучал так: широко улыбайся каждому встречному.

В этом отношении ее старший двоюродный брат Цзявэй, сын старшего дяди, с самого начала опережал других детей. На фотографии, сделанной в подготовительной группе детского сада, Цзявэй был одет в костюм с пиджачком. Пока остальные ребята знали лишь о существовании пионерского галстука, он первый стал носить галстук как у взрослого. Квадратная головка «взрослого» красного галстука гордо выглядывала из-под клетчатого жилета на фоне стены из красного кирпича, возвещая о существовании иного мира. Пятилетний Цзявэй был солдатом резерва, где умудрился уменьшить предметы из иного мира в нужных пропорциях: у него были мини-галстук, мини-жилет, мини-туфли, вы-

лизанные до блеска щеткой для обуви. Даже мини-улыбка, обнажающая восемь белых молочных мини-зубов, — и та у него была. Взрослые признавали эту улыбку с первого взгляда, как признавали и земной шар, сжавшийся до размеров полуметровой карты мира: они по-прежнему с легкостью могли указать на черную точку и определить по ней, Пекин это или Нью-Йорк. На каждом делении масштабной линейки, приложенной к карте, стоял свой Цзявэй в красном галстуке: один в Пекине, один в Нью-Йорке, и еще один — в самой Чжоу Вэй, сжимающей в руках дорожную сумку с черноносой овечкой. В изумительной пластичности математики каждый обретает постоянство, так и эта улыбка была вечной, из раза в раз получая неизменную порцию любви и восхищения. Как $1 + 1 = 2$, пятилетний Цзявэй и его улыбка воплощали самодостаточный незыблемый порядок. «Улыбайтесь, как Цзявэй» — Цзявэй создал сам закон, а остальные дети усваивали формулу его улыбки, как усваивали арифметику. За ошибку они получали крестик в виде буквы «икс». «Икс» был начертан на лицах взрослых, когда они хмурили брови и складывали губы в стремительно раздувающийся пунцовый ноль. Люди использовали лица, чтобы ставить галочки, перечеркивать крест-накрест, выводить нули, а потом улыбались с помощью тех же лиц. Совсем как магнитная доска Чжоу Вэй для рисования, они обладали способностью самоопровержения. В мире, где все могло перевернуться с ног на голову, одна лишь улыбка Цзявэя оставалась стабильной и непоколебимой.

Цзявэй продолжал покорять вершины своей улыбкой. Он улыбался во время речей, произносимых под государственным флагом; улыбался домашним за обеденным сто-

Литературно-художественное издание / Өдөби-көркөм басылым

КУН КУН
СТЕКЛЯННЫЙ МИР

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Анастасия Нотик

Подписано в печать / Баспаға кол койылды 16.03.2026.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 24,18. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-AET-38851-01-R